

Фёдор Алексеевич Кони (1809—1879) — русский драматург, театральный критик, мемуарист, переводчик, историк театра, отец Анатолия Фёдоровича Кони, фактический муж Настасьи Васильевны Каировой.

Фёдор Кони родился в купеческой семье в Москве 9 (21) марта 1809 года. Учился в Московском университете, первоначально на медицинском факультете, потом перевёлся на словесное отделение.

Свободно говорил на пяти языках. Преподавал историю в Первом московском кадетском корпусе. В 1836 году Кони переехал в Петербург, где продолжил преподавательскую деятельность. В 1844 году Фёдор Кони написал монографию «История Фридриха Великого», за которую Йенский университет присудил ему учёную степень доктора философии. В начале 40-х Кони редактировал театральный журнал «Пантеон русского и всех европейских театров», а затем «Литературную газету». Мастер водевильного жанра («Девушка-гусар», 1836, «Петербургские квартиры», 1840, и др.) в 1840 году он основал театральный журнал «Пантеон» (позднее — «Репертуар и Пантеон»), который в 1842 году слился с «Репертуаром» и стал «Репертуаром русского и Пантеоном всех европейских театров». Публиковался в журнале «Русская сцена», после преобразования журнала в одноимённую газету публиковался также и в ней.

Известность получил как автор нескольких популярных для того времени водевилей: «Принц с хохлом, бельмом и горбом», «Муж в камине, а жена в гостях», «Девушка-гусар». Перевел четырехтомную «Историю…» А. Тьера. Похоронен в Петербурге на Никольском кладбище Александро-Невской лавры

МУЖЪ ВЪ ОТЛУЧКѢ.

КОМЕДИЯ ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ.

ПЕРЕДѢЛАННАЯ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО

В. АНАТОЛИНЫМЪ.

УЧЕБНИКЪ РАССКАЗОВЪ

1884.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

ЖЮЛЬ ДЮЛЕ.

ЭМИЛИ.

МАРИ, горничная.

Дѣйствіе въ Парижѣ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

Хорошенькая комнатка, убранная въ женскомъ вкусѣ: много цвѣтовъ, картинъ, медальоновъ. Открытый рояль и этажерка съ нотами. Пяльцы. Изящный письменный столъ съ множествомъ бездлушекъ и вазою съ цвѣтами. Дверь въ глубинѣ, другая слѣва: обѣ драпированы. Направо окно.

I.

ЭМИЛИ, въ роскошномъ утреннемъ нарядѣ, спитъ за пяльцами. Немного погодя, она звонитъ. Входятъ МАРИ.

ЭМИЛИ. Ну, что, Мари, писемъ не приносили?

МАРИ. Нѣтъ, сударыня.

ЭМИЛИ. Странно!.. *(Смотритъ на часы)*. Впрочемъ, еще рано... вѣрно почту разбираютъ.

МАРИ. Вы, кажется, ждете это письмо съ большимъ нетерпѣниемъ.

ЭМИЛИ. Да.

МАРИ. Вѣрно отъ супруга вашего?

ЭМИЛИ *(со вздохомъ)*. Нѣтъ.

МАРИ. А!.. Такъ значитъ вы вдова.

ЭМИЛИ. Нѣтъ.

МАРИ. Выходить: супругъ вашъ въ отлучкѣ.

ЭМИЛИ. Да.

МАРИ. И скоро воротится?

ЭМИЛИ. Не знаю.

МАРИ *(всторону)*. Странно! Просто стыдъ сказать: вотъ ужъ я десять дней живу въ этомъ домѣ, а еще ничего не разузнала!.. Ну, да пусть секретничаетъ, отъ меня иголки не утаишь!..
Всю подноготную провѣдаю. *(Вслухъ)*. Вѣрно муженекъ-то вашъ!..

какъ нынче многіе — жуиръ, кутила, любитъ пожить... поповъсничать...

Эмиля. Ахъ, Мари! нынча все мужчины болѣе или менѣе повѣсы!

Мари. А вашъ-то муженекъ, можетъ быть, повѣса изъ новѣсъ?

Эмиля. Напротивъ! Это отличный, благороднѣйшій человекъ.

Мари. Благороднѣйшій человекъ! и вдругъ оставилъ такую жену, молоденькую, красавицу... равнодушенъ къ ней...

Эмиля. Кто? онъ? Да онъ во мнѣ души не слышалъ!

Мари. Такъ, значить, вы его не любили?

Эмиля. Я отъ него съ ума сходила. Онъ первый, кого я полюбила и кромѣ его никого любить не буду.

Мари (всторону). Хотя зарѣжь—ничего не понимаю! Мужъ и жена другъ дружку обожаютъ, а живутъ врознь! Здѣсь что-нибудь да не такъ... *(Вслухъ).* А, понимаю! Супругъ вашъ вѣрно морякъ... или по службѣ куда-нибудь командированъ...

Эмиля (съ досадою). Да нѣтъ же! Совсѣмъ не то! Родители назначали насъ другъ для друга еще съ дѣтства... но мы никогда не видались. Я воспитывалась въ Парижѣ, онъ жилъ въ Нью-Йоркѣ... но въ день, когда намъ суждено было свидѣться... О! я не могу вспомнить объ этомъ странномъ происшествіи: оно причиною всехъ нашихъ несчастій.

Мари. Происшествіе... страшное... ну, теперь я начинаю понимать.

Эмиля. Мнѣ кажется, какъ будто это случилось вчера! Вечеромъ я сидѣла съ батюшкой за чайнымъ столомъ; вдругъ слышимъ крики: «пожаръ! пожаръ!» Въ испугъ мы бросились изъ комнаты, и что же! Рядомъ съ нами горитъ бумагопрядильная фабрика.

Мари. Ахъ, Творецъ небесный!

Эмиля. Фабричные съ ужасомъ и воплемъ выбирались изъ дому, вынося дѣтей и пожитки... пламя въ одинъ мигъ обхватило все зданіе... Вдругъ прибѣгаетъ женщина, растрепанная, въ отчаяніи... кричитъ, что ребенокъ ея остался въ колыбели, хочетъ броситься въ огонь, но ее не пускаютъ... Въ это время по улицѣ мчится дорожная коляска, пожарные ее останавливаютъ... изъ нея выскакиваетъ молодой человекъ, узнаетъ въ чемъ дѣло, и, не говоря ни слова, бросается въ огонь... Все вскрикиваютъ отъ ужаса! Проходитъ нѣсколько минутъ, страшныхъ,

убійственнахъ, протѣжій не показывается... всѣ считаютъ его погибшимъ, какъ вдругъ онъ выскакиваетъ изъ пламени съ ребенкомъ на рукахъ. Восторженные крики раздаются со всѣхъ сторонъ...

МАРИ. Экой молодецъ!

ЭМИЛИ. Онъ отдаетъ ребенка матери, а самъ, израненный, обезображенный, обгорѣлый, падаетъ безъ чувствъ... И знаешь ли ты, кто былъ этотъ неустрашимый, благородный человекъ?

МАРИ. Кто-жъ такой?

ЭМИЛИ. Жюль Дюле, мой женихъ.

МАРИ. Ахъ, онъ милашка! Да я бы его расцѣловала.

ЭМИЛИ. Я была отъ него безъ ума. Его перенесли къ намъ... Усилія доктора возвратили его къ жизни; но тотъ же докторъ объявлялъ, что жить ему остается всего двадцать часовъ.

МАРИ. Скверный докторъ!

ЭМИЛИ. Можешь представить мое положеніе. Я рыдала, какъ ребенокъ, я не хотѣла съ нимъ разстаться и, почти въ помѣшательствѣ, объявила батюшкѣ, что если мы уже назначены другъ для друга, то я непременно хочу носить его имя и сдѣлаться его женою, прежде, чѣмъ онъ сойдетъ въ могилу... Слезы мои тронули всѣхъ, больной самъ хотѣлъ исполнить мою волю... на утро насъ обвинчали, а къ вечеру...

МАРИ. Онъ умеръ?

ЭМИЛИ. Напротивъ; сдѣлался переломъ болѣзни и докторъ сказалъ, что отвѣчать за его жизнь.

МАРИ. А что вы думаете? Вѣдь это его свадьба вылечила.

ЭМИЛИ. Восемь дней онъ лежалъ въ горячкѣ; я не отходила отъ его постели... Когда онъ сталъ поправляться, я всячески старалась его утѣшить, разсѣять... рассказывала разные исторіи, пѣла романсы. Одинъ изъ нихъ онъ особенно любилъ... и съ-тѣхъ-поръ этотъ романсъ сдѣлался и моимъ любимымъ.

МАРИ. Ахъ, сударыня, спойте, пожалуйста, должно быть очень хорошо.

ЭМИЛИ.

Усни, мой другъ, и тихо къ изголовью

Присяду я, чтобъ сонъ твой охранять.

Пускай мечты, навѣянной любовью,

Печаль и грусть не смѣютъ отогнать;

Пусть осъзнитъ невидимая сила
Твою главу, какъ ясный небосклонъ,
И все, что здѣсь я въ сердцѣ затаила
Тебѣ пускай расскажетъ тихій сонъ.

Какъ долго я все о тебѣ мечтала,
Какъ образъ твой мнѣ сердце волновалъ,
Какъ я въ душѣ молилась и страдала
За твой покой, — а ты меня не зналъ!
Какъ сердце вдругъ при встрѣчѣ такъ забилося,
Какъ-бы твердя: смотри, ведь это онъ!
И все, что я пересказать стыдилась;
Тебѣ пускай расскажетъ тихій сонъ.

МАРИ. Прекрасно! Да отъ этого всякому легче станетъ.

ЭМИЛИ. Онъ скоро выздоровѣлъ... но...

МАРИ. Не понялъ вашей нѣсенки?

ЭМИЛИ. Нѣтъ... но лицо его было страшно обезображено.

МАРИ. Какая жалость!

ЭМИЛИ. Докторъ объявилъ, что нѣтъ средствъ излечить его.

МЕРИ. Ахъ, вы, бѣдная.

ЭМИЛИ. Когда онъ оправился, спросилъ зеркало, взглянулъ,
вскрикнулъ и зеркало выпало у него изъ рукъ.

МАРИ. И разбилося?.. Это дурная примѣта.

ЭМИЛИ. На другой день—мужъ мой исчезъ.

МАРИ. Вотъ видите!

ЭМИЛИ. Онъ оставилъ мнѣ письмо, въ которомъ говоритъ: что
не хочетъ сдѣлать меня жертвою моего минутнаго увлеченія;
что предоставляетъ мнѣ полную свободу и что имъ приняты все
мѣры, чтобъ мы никогда болѣе не встрѣчались въ жизни.

МАРИ. А что, сударыня, онъ былъ очень безобразенъ?

ЭМИЛИ. Ахъ, да.

МАРИ. Ну, а до несчастья?

ЭМИЛИ. Онъ былъ красавецъ. По-крайней-мѣрѣ такъ все гово-
рятъ. Я увидѣла его уже послѣ пожара.

МАРИ. Но все же это очень странно. Еслибъ все некрасивые
мужья покидали женъ подъ этимъ предлогомъ, такъ почти весь
Парижъ обратился бы во вдовій домъ...

ЭМИЛИ. О, мой мужъ оригиналь, человекъ необыкновенный,

эксцентрикъ... это какая-то смѣсь самыхъ высокихъ поступковъ и самыхъ смѣшныхъ странностей.

МАРИ. Однако, знаете, положеніе ваше довольно затруднительно... вы молоды, хороши собою... и вдругъ безъ мужа.

ЭМИЛИ. О, мужъ мой возвратится. Мы узнали, что онъ въ Италіи. Батюшка повхалъ его отыскивать и пишетъ, что ужъ попалъ на его слѣдъ. Онъ обѣщается привезти его непременно. *(Въ передней звонитъ)*. Кто-то звонить. Отопри и если это почтальонъ, принеси мнѣ поскорѣ письмо.

МАРИ. Сію минуту. *(Уходитъ)*.

ЭМИЛИ. Батюшка теперъ долженъ быть въ Неаполь... Отыскалъ ли онъ его?... Ахъ, какъ бы я желала поскорѣ узнать, что онъ мнѣ пишетъ.

МАРИ *(возвращаясь)*. Важная новость! важная новость!

ЭМИЛИ. Что такое?

МАРИ. Какой-то господинъ, такой хорошенькій, съ усиками, проситъ позволенія васъ видѣть.

ЭМИЛИ. Что ему надобно?

МАРИ. Говоритъ, что привезъ письмо отъ вашего мужа.

ЭМИЛИ. Отъ мужа! Ахъ, проси, проси скорѣе... Но я не одѣта... и прическа... Попроси его здѣсь обождать и потомъ помоги мнѣ одѣться. *(Уходитъ)*.

МАРИ *(въ дверяхъ)*. Пожалуйста! Барыня сейчасъ выйдетъ. Онъ одѣваются и просятъ васъ обождать немного.

II.

МАРИ и ЖЮЛЬ ДЮЛЕ.

Жюль. Хорошо, милая, я подожду. *(Мари уходитъ)*. Наконецъ я дома!.. У жены... у моей жены... Странно, однако... со мной что-то особенное, какое-то непонятное волненіе... впрочемъ, что же тутъ страннаго? Мое положеніе, хотя интересно, но довольно щекотливо. Какъ подумаю о разныхъ открытіяхъ, которыя могу сдѣлать, пользуясь моимъ инкогнито, такъ меня такъ морозъ по кожѣ и подираетъ... Ну, ну, не трусить! Я далъ клятву, что буду снокоенъ, хладнокровенъ... и еслибъ мое испытаніе привело къ невыгодному результату, я поступлю,

какъ мужъ-философъ: шляпу на голову, чемоданъ въ повозку и прощай жена! И на этотъ разъ, навсегда! Я уѣду и она даже не узнаеть, что я былъ у нея. (*Подходитъ къ зеркалу и охорашивается*). Да и гдѣ ей узнать, когда я самъ себя не узнаю: красавчикъ да и только!.. А право, я, кажется, мало далъ этому итальянцу-шарлатану, который вздумалъ меня вылечить! Вѣдь какъ отдѣлалъ: заново, просто загляденье, и все за тысячу франковъ! Человѣкъ-человѣкомъ сталъ, а вѣдь прежде бывало взглянешь, да такъ и хочется плюнуть. Теперь женщины посматриваютъ на меня уже не съ отвращеніемъ, а напротивъ, даже этакъ... тсъ! тише! жена, пожалуй, услышитъ... Фу, ты пронасть! я все забываю, что она меня незнаеть... То-то ей будетъ сюрпризъ! Какъ она обрадуется... да, обрадуется... а какъ нтъ? Если сердце ея выбрало другаго? О, тогда я не знаю, что я сдѣлаю! Я осыплю ее упреками, насмѣшками, я прокляну ее!.. Какъ глупо! За что-же? Самъ бросилъ, самъ предоставилъ ей полную свободу... и вдругъ претензія: какъ моль вы смѣли полюбить другаго. А она, бѣдное, несчастное твореніе, прелестная какъ картинка, пылкая какъ трутъ, вспыхнувшая, ужъ не отъ сердечнаго огня, а отъ одного моего обжога, осуждена мною на вѣчное одиночество, на страданіе... это просто безчеловѣчно, безчестно... у меня сердце надрывается, какъ только я вспомню о ея положеніи... Ну, ну, расчувствовался! Спокойствіе, хладнокровіе!.. (*Нетерпѣливо похаживаетъ по комнатѣ*). Однако, она что-то долго рядится, чтобъ принять незнакомаго человѣка: это признакъ кокетства, это вѣдь того... это значитъ, что она хочетъ понравиться... О, чортъ возьми, если такъ, то я... Это что? ревность? фи, Жюль! Спокойствіе, хладнокровіе!.. Лучше осмотримъ ея комнату. Мило, просто, хорошо! Букетъ фіалокъ, эмблема скрытой добродѣтели. Очень трогательно!— Пяльцы... какая чудная работа! Что я вижу? какъ будто мой вензель... Да, Ж и Д, Жюль Дюле... (*Цѣлуетъ узоръ*). Милая, прелесть, душечка!... Опять расчувствоватся! спокойствіе и хладнокровіе!.. Однако, скучно, какъ она долго... Это что? (*Беретъ книгу*). Александръ Дюма... Займемся хоть сказкой, въ ожиданіи истины. (*Садится въ кресло и читаетъ*).

III.

ЖЮЛЬ и МАРИ.

МАРИ (*всторону*). Смотрите, пожалуйста, какъ развалился, точно дома. (*Подходя*). Барыня извиняется, что заставила васъ долго ждать, она сейчасъ выйдеть.

ЖЮЛЬ (*всторону*). Не распросить ли горничную? (*Ей*.) Скажи, душенька, ты давно служишь у госпожи Дюле?

МАРИ. Ужъ больше недель.

ЖЮЛЬ. Только-то!.. Значить, ты не знаешь...

МАРИ. Чего это?.. Извините, я все знаю... Я знаю, что барыня не замужемъ, то есть, и замужемъ и не замужемъ — какъ хотите; даже хуже, чѣмъ замужемъ; и мужъ есть — да зеленъ виноградъ — его не достанешь.

ЖЮЛЬ. Какъ! Неужели она еще не утѣшилась послѣ отъезда мужа?

МАРИ. Нѣтъ. Но, кажется, начинаетъ утѣшаться...

ЖЮЛЬ (*вспыхнувъ*). Что? (*Про себя*.) Спокойствіе, хладнокровіе.

МАРИ. А какъ по вашему? Не цѣлюю-же жизнь его оплакивать.

ЖЮЛЬ. Но...

МАРИ. Да развѣ можно любить челоуѣка, который бросилъ жену въ первый двѣ недели?

ЖЮЛЬ. Но онъ уѣхалъ изъ великодушія, потому, что онъ былъ..

МАРИ. Ужасно нехорошъ собою.

ЖЮЛЬ. Ужъ и ужасно!

МАРИ. Просто безобразіе! Такъ говоритъ барыня... Но все-таки лучше имѣть безобразнаго мужа, чѣмъ вовсе никакого: это мое правило.

ЖЮЛЬ. Но вѣдь онъ предоставилъ ей полную свободу...

МАРИ. Хороша свобода! Покорно благодарю. О, еслибъ я была на мѣстѣ барыни...

ЖЮЛЬ. Что-жъ бы ты сдѣлала?

МАРИ. Приискала бы себѣ такого красавчика, такого душку, что просто....

ЖЮЛЬ (*всторону*). Какова! Нѣтъ, эту дѣвчонку я сгоню со двора... то есть, если останусь здѣсь... Это настоящая язва.

МАРИ. А вотъ и барыня.

IV.

ТЪ ЖЕ и ЭМИЛИ.

Жюль (*всторону*). Какъ хороша-то! Что за шейка! а ручки-то; а глаза... Я не вытерплю... тсъ! Спокойствіе, хладнокровіе! (*Подходя къ Эмили и раскланиваясь.*) Простите, что я осмѣлился обезпокоить васъ.... но вотъ письмо, которое объяснитъ причину моего посѣщенія.

Эмили. Это отъ моего мужа? отъ Жюля?

Жюль. Отъ него.

Эмили (*распечатывая*). Вы позволите? (*Жюль влжливо кланяется.*) «Податель этого письма, Эдуардъ Клервиль, лучший другъ мой. Онъ никого не знаетъ въ Парижъ и просилъ рекомендовать его вамъ. Я не могъ отказать его усиленной просьбѣ, тѣмъ болѣе, что самъ ему много обязанъ. Примите его, какъ друга, какъ брата, въ память нашего роковаго союза, составившаго вмѣстѣ счастіе и несчастіе всей моей жизни.» (*Жюлю*). Милости просимъ, дорогой гость! Я въ восхищеніи, что вижу васъ у себя.

Жюль (*всторону*). Это что-то спльно сказано, но я...

Эмили. Это письмо дастъ вамъ полное право на мою дружбу и расположеніе.

Жюль (*всторону*). Ага! значитъ моя рекомендація дѣйствуетъ. Это лестно! (*Ей.*) Вы вѣрно позволите мнѣ представиться вашему батюшкѣ? Другъ мой Жюль такъ много говорилъ мнѣ о немъ, что я за особенное счастіе сочту съ нимъ познакомиться.

Эмили. Отца моего нѣтъ въ Парижъ.

Жюль (*всторону*). Тѣмъ лучше. (*Громко.*) Гдѣ же онъ?

Эмили. Онъ уѣхалъ въ Италію, отыскивать моего мужа.

Жюль. Позвольте вамъ дать добрый совѣтъ...

Эмили. Сдѣлайте милость.

Жюль. Попросите батюшку возвратиться. Я могу васъ положительно увѣрить — Жюля Дюле теперь нѣтъ въ Италіи.

Эмили. Ужъ не во Франціи ли онъ?

Жюль. (*Пожимая плечами.*) Это тайна... Я одинъ ее знаю, но далъ клятву, никому не открывать.

Эмили. Въ такомъ случаѣ, вы нарушите вашу клятву.

Жюль. Какимъ образомъ?

Эмиля. Во-первыхъ, я васъ не выпущу, пока вы не скажете, гдѣ мой мужъ...

Жюль. (*Улыбаясь.*) Какъ! Значитъ, я здѣсь не въ безонасности?

Эмиля. Во-вторыхъ... Позвольте, вы гдѣ остановились?

Жюль. Въ Отель де Принсъ, у бульвара Капосень. (*Эмиля звонитъ.*) Неужели она серьезно оставитъ меня здѣсь? Незнакомаго молодого человѣка! Нѣтъ, чортъ возьми.... Спокойствіе, хладнокровіе.

Мари (*входитъ*). Что прикажете?

Эмиля. Вели Жаку сейчасъ идти въ Отель де Принсъ, пусть тамъ возьметъ вещи г. Клервиля и привезетъ ихъ сюда... Потрудитесь написать объ этомъ хозяину гостиницы.

Жюль. Но, сударыня...

Эмиля. О, пожалуйста, не опасайтесь... я живу не одна; здѣсь со мною брать...

Жюль (*всторону*). То-то. (*вслухъ.*) Такъ вы хотите непременно....

Эмиля. Я этого требую. (*Указываетъ ему на письменный столъ.*)

Жюль. Очень лестно! (*Садясь писать, всторону*). Но если она принимаетъ всѣхъ друзей въ такомъ-же родѣ, то дѣло выходитъ... (*Отдавая Мари записку.*) На!

Мари (*всторону*). Вотъ онъ и живетъ у насъ! Ну, чтожъ, вѣдь онъ отъ мужа, другъ его.

Жюль (*всторону*). Какъ посмотрѣла на меня горничная! Неужели я обязанъ этимъ ласковымъ пріемомъ болѣе моей личности, чѣмъ моей рекомендаціи?

Эмиля (*садясь за пильцы и указывая Жюлю на стулъ возле себя*). Вы часто бывали съ моимъ мужемъ?

Жюль. Какъ же! Я съ нимъ никогда не разставался.

Эмиля. Скажите же мнѣ, откровенно... неужели вы, какъ истинный другъ, никогда не совѣтовали ему возвратиться къ намъ?

Жюль. Напротивъ! Я ему тысячу разъ говорилъ: «Послушай душа моя, вѣдь ты ужасно глупъ!—Извините, ради Бога! знаете, когда говоришь съ самимъ собою... то есть, когда говоришь съ другомъ, хотѣлъ я сказать, то говоришь, какъ съ самимъ собою. — Такъ я ему и говорю: «Ну, помилуй, можно-ли оставлять такую жену, какъ твоя, молоденькую, свѣженькую,

преlestную себою»... (*всторону*). Краснѣеть, краснѣеть... О!.. Спокойствіе, хладнокровіе! (*вслухъ*). «Воротись-ка лучше домой, любезный». — Не могу! — «Отчего?» — Ну, да оттого, что не могу! — Что съ нимъ прикажете дѣлать?

Эмиля. Для меня его поведеніе непонятно.

Жюль. А для меня такъ очень, особенно съ-тѣхъ-поръ, какъ я имѣлъ счастье васъ увидѣть.

Эмиля (*въ смущеніи*). Г. Клервиль... (*Всторону*). Какъ онъ смотритъ на меня.

Жюль (*всторону*). Потупляетъ глазки, значитъ не привыкла къ комплпментамъ. (*Вслухъ*). Впрочемъ, на немъ нельзя строго взыскивать: онъ чудакъ, оригиналъ, эксцентрикъ. Вообразите, что онъ сдѣлалъ въ прошломъ году. Мы были въ Петербургъ во время вскрытія Невы. За обѣдомъ онъ побился объ закладъ, что перейдетъ Неву по льдинамъ. Что-жъ вы думаете: пошелъ, получилъ воспаленіе въ легкихъ и чуть не умеръ.

Эмиля. Какое неблагоразуміе!

Жюль. Можетъ быть, за то я сдержалъ слово.

Эмиль. Какъ, вы сдержали слово?

Жюль. То есть—я сдержалъ слово, такъ говорилъ другъ мой Жюль.

Эмиль. А!

Жюль (*всторону*). Чортъ возьми! Потерялъ спокойствіе и хладнокровіе! (*Вслухъ*). Что дѣлать! Ужъ такой характеръ! Еслибъ онъ далъ слово взлѣзть на луну...

Эмиля. Такъ и влѣзъ бы?

Жюль. По-крайней-мѣрѣ, попробовалъ бы.

Эмиля. Все это юношескія фантазіи, увлеченіе молодости.

Жюль. Ошибаетесь, это скорѣе результатъ глубокихъ убъжденій.

Эмиля. И вы ихъ разделяете?

Жюль. Вполнѣ.

Эмиля. И также оставили бы свою жену?

Жюль. Ну, въ этомъ я начинаю съ нимъ расходиться. Въ-сто того, чтобъ разсматривать себя въ зеркало, ему бы следовало побольше смотреть на свою жену... Тогда, ручаюсь, онъ ни за что не ухалъ бы отсюда.

Эмиля. Господинъ Клервиль...

Жюль (*всторону*). Вспыхнула... душка, прелесть, загляденье... ть! Спокойствіе, хладнокровіе.

Эмиля (*всторону*). Онъ, однако, ужъ черезъ-чуръ пользуется доверенностию моего мужа.

Жюль (*всторону*). А если это кокетство? О, тогда...

Эмиля (*всторону*). Этакъ онъ, пожалуй, еще вздумаетъ объясниться мнѣ въ любви!

Жюль. Ну, а вы, сударыня, какъ проводили все это время?

Эмиля. Ждала мужа.

Жюль. И долго еще намврены его ждать?

Эмиля. Пока возвратится.

Жюль. А какъ этого не будетъ?

Эмиля. Будетъ, непременно будетъ.

Жюль. Но отчего вы такъ увѣрены?

Эмиля. Оттого, что мнѣ сердце говоритъ, что я его увижу.

Жюль (*всторону*). Ей Богу, брошусь къ ней на шею... ть! хладнокровіе! (*Вслухъ*). И въ ожиданіи все будете продолжать свою уединенную, грустную жизнь.

Эмиля. Конечно.

Жюль. Напрасно. Мужъ дурачится, а жена страдай! это ни съ чѣмъ не сообразно. Вамъ надо веселиться, развлекать себя, выѣзжать въ свѣтъ... Молодая, хорошенькая женщина принадлежитъ обществу; скрывшись огъ свѣта, вы сдѣлали просто похищеніе, вы вѣдь себя украли у общества, а воровство, сами знаете, кромѣ совѣсти, наказывается и законами.

Эмиля (*всторону*). Хорошъ пріятель! (*Вслухъ*). Но такіе совѣты...

Жюль. Вы можете ихъ слушать. Я говорю вамъ прямо, потому что я другъ вашего мужа...

Эмиля (*всторону*). Оно и видно. (*Вслухъ*). Но вы забываете, что молодая, неопытная женщина, бросившись въ вихрь свѣта, очень легко можетъ увлечься...

Жюль. Что жъ за бѣда! И увлекайтесь: увлеченіе свойственно человѣку.

Эмиля. Мнѣ, право, странно слышать отъ васъ...

Жюль. Ничего нѣтъ страннаго! Кому жъ и дать вамъ благой совѣтъ, какъ не человѣку, который знаетъ вашего мужа, какъ самого себя... Повѣрьте мнѣ, не тратьте золотое время, не губите напрасно красоты и молодости, пользуйтесь всѣмъ, что теперь еще вамъ улыбается... вокругъ васъ блескъ, роскошь, упоеніе... Для васъ заблещутъ все глаза, для васъ забьются все сердца... Вспомните стихи:

Пей, пока еще полна
Наслажденій чаша,
Такъ какъ быстрая волна
Мчится юность наша,
И нора любви гоститъ
Пташкой беззаботной:
Попоетъ намъ и польститъ
И ужъ нѣтъ залѣтной!

(Всторону). Фу, ты пропасть, какой я тонкій политикъ! *(Вслухъ)*.
Для начала, не хотите ли: сегодня балъ и маскарадъ въ Оперѣ.
Если позволите, я буду вашимъ кавалеромъ.

Эмили *(вставая)*. Господинъ Клервилъ!

Жюль *(всторону)*. Она въ негодованіи — превосходно!

Эмили *(холодно)*. Вы вѣрно забыли, что вы другъ моего
мужа?

Жюль. Нѣтъ; я помню и горжусь этимъ названіемъ.

Эмили. Ну, такъ я поздравляю Жюля съ его проникательно-
стію! онъ отлично умѣетъ выбирать друзей и повѣренныхъ.

Жюль. Но, кажется, я не употребилъ во зло его довѣрія?

Эмили. Вы такъ думаете?

Жюль *(всторону)*. Рѣшительная минута наступаетъ... хватимъ
ей признаніе! *(Вслухъ)*. Но развѣ вы не свободны? Бросивъ та-
кую милую, очаровательную жену, вашъ мужъ разорвалъ
съ вами всѣ связи? О, еслибъ я, самой покорной, самой нѣж-
ной, самой безкорыстной любовью могъ снискать хоть сотую
долю той привязанности, которую онъ приобрѣлъ однимъ смѣ-
лымъ поступкомъ, я считалъ бы себя счастливейшимъ челове-
комъ; я сталъ бы васъ любить всю жизнь... пламенно, страстно,
какъ безумный... *(Бросается передъ нею на колѣна и схватываетъ ея руку; она ее вырываетъ)*.

Эмили. Что это? Вы забылись!

Жюль *(всторону)*. Прелесть! Чудо! душка! *(Ей)*. Простите!
Но я не въ состояніи долѣе сдерживать моихъ чувствъ... Съ
тѣхъ поръ, какъ я васъ увидѣлъ, я себя не помню, свѣта не ви-
жу, въ васъ души не слышу... Не отвергайте самаго чистаго,
самаго пылкаго чувства... Я... я... я не знаю, что я сдѣлаю...
(Всторону). А что, какъ она меня не выгонитъ!

Эмили *(съ достоинствомъ)*. Мужъ мой далъ вамъ много правъ,
но есть право, котораго мужъ передать не можетъ, это право—

внушить женѣ уваженіе. Встаньте, милостивый государь! И чтобъ избавить васъ отъ труда продолжать бесплодное изліяніе вашихъ нежныхъ чувствъ, я прошу васъ сейчасъ же оставить мой домъ: отнынѣ для угодливыхъ друзей онъ запертъ.

V.

ТЪ ЖЕ, МАРИ.

МАРИ (*подавая письмо*). Вотъ, принесли съ почты.

ЭМИЛИ. Хорошо. Господинъ Клервиль! Какъ я не надѣюсь больше васъ увидѣть, то позвольте проститься. (*Присядаетъ*).

МАРИ. Какъ, сударь! вы не остаетесь у насъ?

ЭМИЛИ. Нѣтъ! господинъ Клервиль вспомнилъ, что у него есть важное дѣло въ Нантъ и потому уезжаетъ... Имѣю честь кланяться! (*Уходитъ*).

ЖЮЛЬ (*расклавивается*).

МАРИ (*всторону*). Онъ было такъ поладилъ, и теперь вдругъ... Непонимаю! Ну, да вѣдь я всего десять дней въ домъ. (*Уходитъ*).

VI.

ЖЮЛЬ ДЮМЕ одинъ.

Отлично! Безподобно! Отдѣлала и вытурила! Не хочетъ меня видѣть... Вотъ жена такъ жена! Мужъ говоритъ ей: я люблю васъ страстно, а она отвѣчаетъ: уберите вонъ! О! эта женщина живетъ только для меня, любить только меня, да вѣдь какъ любить... то-есть, напротивъ, она меня терпѣть не можетъ... Я передъ нею изливаюсь со всею жаромъ, со всею увлеченіемъ страсти, а она вскакиваетъ съ мѣста и указываетъ мнѣ дверь. Конечно, эту ненависть побѣдить мнѣ не трудно, стоитъ только произнести три магическія слова: «я—вашъ—мужъ!» Но я поклялся открыться ей только въ такомъ случаѣ, если она меня полюбитъ собственно за мою особу... а мужу, разумеется, всякая жена твердитъ, что его любить: это не хи-

трость... Значитъ, мнѣ теперь только остается—нальво кругомъ и маршь... А не хочется: она такъ мила, хороша, такъ увлекательна! Я чувствую, что люблю ее страстно. Разъ двадцать меня такъ и порывало—броситься, обнять, расцѣловать ее и крикнуть: я твой мужъ. Но я далъ клятву и надо сдержатъ ее: спокойствіе и хладнокровіе.

—
VII.

ЖЮЛЬ, МАРИ.

МАРИ. Какъ? Вы еще здѣсь?

ЖЮЛЬ. Сейчасъ ѣду... Скажи, пожалуйста, ты любишь свою барыню?

МАРИ. Еще бы! Она такая добрая, ласковая.

ЖЮЛЬ (*даетъ ей деньги*). Служи же ей хорошенько... Ты увидишь, это принесетъ тебѣ выгоду.

МАРИ (*смотритъ на деньги*). Ужъ теперь вижу.

ЖЮЛЬ. Такъ помни же: береги ее, не огорчай... (*Вдыхаетъ*).
Прощай! (*Идетъ къ двери*).

МАРИ. Прощайте! Желая счастливаго пути... (*Всторону*).
Бѣдняжка! какъ онъ печаленъ.

ЖЮЛЬ (*возвращаясь*). Послушай, милая...

МАРИ. Что прикажете?

ЖЮЛЬ (*помолчавъ немного*). Прощай!

МАРИ. Прощайте. (*Жюль медленно уходитъ*).

VIII.

МАРИ, ЭМИЛИ.

ЭМИЛИ. Ушелъ?

МАРИ. Ушелъ... И такой грустный.

ЭМИЛИ. Взгляни въ окно: что? уѣзжаетъ?

МАРИ. Нѣтъ. Стоитъ на дворѣ, думаетъ...

ЭМИЛИ. Неужли? (*Подходитъ къ фортепяно и какъ будто машинально начинаетъ петь*).

Когда души твоей мечтанья
Вдругъ разлетѣлись въ пыль и прахъ,
И полонъ тайнаго страданья
Стоишь надъ ними ты въ слезахъ,
Иди впередъ, закрывши въжды,
Есть и отъ боли вѣрный щитъ:
Люби и вѣрь! и лучъ надежды
Вновь сердце счастьемъ озаритъ.

(Въ половинѣ романа Жюль появляется въ дверяхъ, останавливается, слушаетъ и тихо подходитъ къ Эмили).

МАРИ. Прошу покорно: онъ опять здѣсь.

ЭМИЛИ *(оборачивается, смотритъ на Жюля какъ бы въ изумленіи и кокетливо улыбается).*

Жюль *(съ замѣшательствомъ).* Простите, я уже садился въ экипажъ, но вдругъ услышалъ вашъ голосъ и, очарованный, не могъ устоять противъ искушенія... Я самъ не знаю, какая-то магнетическая сила привлекла меня сюда.

ЭМИЛИ. А! значитъ вы любите музыку? Это невозможно мирить меня съ вами. *(Жестомъ даетъ знать Марі, чтобы она вышла).*

МАРИ *(всторону).* Опять она съ нимъ ласкова... Ничего не понимаю! Но я здѣсь только десять дней. *(Уходитъ).*

Жюль. Я бы хотѣлъ вамъ сдѣлать одно замѣчаніе: позволите?

ЭМИЛИ. Очень рада. Вѣрно не такъ пою?

Жюль. Нѣтъ, не то. А меня удивляетъ, какъ изъ такой холодной души могутъ вылетать звуки, которые доходятъ до сердца.

ЭМИЛИ. Вотъ что! Такъ вы меня считали холодной, безчувственною... и вѣрно потому, что я не отвѣчала на заученныя свѣтскія фразы, на стереотипные комплименты, которые вы расщипываете всѣмъ и каждой? Вотъ, господа, какъ вы судите женщинъ! Когда мы скромны, вы говорите: «въ нихъ нѣтъ души!» когда слишкомъ любезны, вы говорите, что мы навязываемся вамъ на шею.

Жюль *(всторону).* Ба! это что за рѣчь?... Неужели я ошибся?

ЭМИЛИ *(кокетливо).* Оттого мы иногда поневолю должны скрывать свои чувства.

Жюль *(всторону).* Ай, ай! Какимъ она это говоритъ тономъ... и глазки дѣлаетъ...

ЭМИЛИ. Вы знатокъ музыки, г. Клервиль?

Жюль. На столько, какъ и всѣ. Нынче и лакеи разсуждаютъ о музыкѣ, наслушавшись оперъ—изъ театральнаго корридора; а тѣ, которымъ удалось продавать билеты у странствующихъ виртуозовъ, даже въ музыкальную критику пускаются.

Эмилия (*подавая ему ноты*). Вамъ знакомъ этотъ дуэтъ?

Жюль. «Звезда пастушка». Какъ же, знаю.

Эмилия. Прелестная пьеса.

Жюль. Да... и въ особенности очень трогательная.

Эмилия. Я ее очень люблю. Еслбъ я не боялась употребить во зло вашей снисходительности...

Жюль. Сдѣлайте милость, приказывайте.

Эмилия. Можетъ быть желаніе мое покажется вамъ ребячествомъ... Но, что дѣлать! я такъ давно пою все одна и одна...

Жюль. Какъ, вы хотите, чтобъ я спѣлъ съ вами этотъ дуэтъ!

Эмилия (*очень нлжно*). Я васъ прошу. (*Идетъ къ фортепьяно*).

Жюль (*всторону*). Ой, что-то плохо.

Эмилия. Я васъ жду.

Жюль. Готовъ. (*всторону*). Ай, да женушка!

Эмилия (*поетъ*).

Смогло все. Вдали избушка...

День за рощцей потухъ.

Съ нетерпнїемъ пастушка

Ждетъ давно тебя пастухъ.

Жюль. Славный голосъ, только зачѣмъ она такъ нжно поетъ! Вѣдь это съ намъренїемъ.

Эмилия (*поетъ*).

Чтожъ ты медлишь, мой Жаннино?

Ужъ вошла звезда любви!

Ахъ, спыни и сердце Иины

Нжной лаской оживи!

Эмилия. Ну-съ? Что же вы?

Жюль. Ахъ, виновать. (*поетъ*).

Здѣсь я, здѣсь, мой другъ прекрасный?!

Эмилия.

Чтожъ такъ поздно, милый мой?!

Я ревнива.

Жюль.

О, напрасно!

Я душой всегда съ тобой,
Не смотри же такъ сердито.
Дай мнѣ ручку...

Эмиля.

Вотъ она!

Ты со мной и все забыто,
(Нѣжно, обращая къ нему голову).
Грудь восторгами полна!

Жюль (*всторону*). Гдѣ она научилась такой выразительной мимикѣ?

Эмиля. Да вы поете прекрасно, съ большимъ вкусомъ.

Жюль. А вы съ такимъ чувствомъ, съ экспрессіей...

Эмиля. Ну, теперь дальше.

Жюль. Дальше?.. (*всторону*). Какъ бы она не зашла ужъ слишкомъ далеко.

Эмиля.

Такъ скажи же мнѣ, Жаннино,
Что ты любишь, что ты мой...

Жюль (*всторону*). Это ужъ черезъ чуръ ясно... она требуетъ отъ меня любовнаго признанія въ *минорномъ* тонѣ.

Эмиля. Что же вы?

Жюль. Винавать.

Твой навѣкъ, мой ангелъ Инна,
Твой и мыслью и душой!

Эмиля.

О, нѣтъ словъ такому счастью!
Но я знать хочу сама,
Ты моею доволенъ страстью?

Жюль (*всторону*). Какова откровенность!.. Я начинаю терять спокойствіе и хладнокровіе.

Эмиля. Отвѣчайте же!

Жюль. Ахъ, да! отвѣчать... (*Поетъ съ бѣшенствомъ*).

Отъ нея я безъ ума!..

Эмиля.

Жюль.

О, восторгъ! о, восхищенье!
Какъ довольна я судьбой!
Въ душу льется упоенье —
Онъ теперь навѣки мой!

О, терзанье! о, мученье!
Я съ досады самъ не свой!
Я смѣшонъ и, въ заключенье,
Дуракомъ вернусь домой!

(Онъ поспѣшно беретъ шляпу).

Эмиля (вставал). Благодарю! Вы доставили мнѣ большое удовольствіе.

Жюль. Очень радъ... но я... конечно, это вамъ приятно... Честь имѣю кланяться.

Эмиля. Господинъ Клервилъ!

Жюль (останавливаясь). Что прикажете!

Эмиля. Вы много побѣд одержали въ жизни?

Жюль. Что за вопросъ?

Эмиля. Очень простой. Я спросила это потому, что вы, кажется, плохо знаете женское сердце.

Жюль. Какъ-съ?

Эмиля. И слишкомъ скоро теряете надежду на успѣхъ.

Жюль (всторону). Нѣтъ! ужъ это изъ рукъ вонъ.

Эмиля. Послушайте. Ваше благородное лицо, ваша прямизна и откровенность, наконецъ, ваша дружба съ моимъ мужемъ внушаютъ мнѣ довѣріе. Я хочу быть съ вами откровенна...

Жюль (всторону). Уйти или остаться: вотъ въ чемъ вопросъ?.. О, гдѣ мое спокойствіе и хладнокровіе.

Эмиля. Знаете-ли: я скучаю, смертельно скучаю.

Жюль. И вамъ хотѣлось бы развлечься?

Эмиля. За нѣсколько минутъ вы сказали мнѣ то, что я сама повторяла себѣ тысячу разъ... вы нарисовали мнѣ картины, которыя часто являлись моему воображенію...

Жюль (всторону). О, я дуракъ! О, я дуракъ!

Эмиля. Я казалась спокойной... но сознаюсь, эти мечтанія тревожили мою душу... и я начинала думать...

Жюль. О чемъ? о чемъ?

Эмиля. О томъ, что положеніе мое ужасно, невыносимо... Но до нынѣшняго дня я пугалась этихъ мыслей... я отгоняла ихъ отъ себя всей силой моей воли...

Жюль. А сегодня, какъ видно, онъ ужъ не кажутся вамъ такъ страшны?.. (всторону). Бѣги! бѣги, безумный мужъ! Ты самъ наложилъ на себя руку!

Эмиля. Какъ сказать вамъ?.. Можетъ быть слова ваши были отголоскомъ моихъ собственныхъ чувствъ, а, можетъ быть, и сердце мое ужъ переполнилось грустью одиночества,.. но только вы меня совершенно переродили.

Жюль (всторону). Молодецъ! Стоило для этого скакать сюда, сломя голову.

Эмиля. И я рѣшилась послѣдовать вашему совету. Съ нынѣшняго дня начинаю рядиться, танцовать, кокетничать, выезжаю въ гости, въ театры, не пропускаю ни одного бала...

Жюль (всторону). Часъ отъ часу нелегче!

Эмиля. Свѣтъ зоветъ меня, удовольствія манятъ волшебными звуками.... я лечу, увлекаюсь общимъ вихремъ... вы сами сказали: увлеченіе свойственно человѣку!

Жюль (всторону). Неужли я сказалъ такую глупость!

Эмиля. Я блистаю, я нравлюсь, меня ищутъ, за мной ухаживаютъ, вокругъ меня толпа поклонниковъ.... изъ грустнаго уединенія я попадаю въ міръ восторговъ и волненій и тысячу разъ благодарю мужа, который такъ великодушно разорвалъ все наши связи и предоставилъ мнѣ полную свободу...

Жюль (всторону). Пожаръ, рѣшительный пожаръ! и я, глупецъ, самъ поджегъ его!.. О, хладнокровіе! не оставь меня.

Эмиля. И такъ, добрый г. Клервилъ...

Жюль (всторону). Да, добрый! Еслибъ она знала: весь адъ злобы кипитъ въ моей душѣ.

Эмиля. Я къ вамъ съ просьбою: вы мнѣ подали добрый советъ, будьте-же моимъ руководителемъ...

Жюль. Какъ! я?

Эмиля. Ну, да, вы! Кого же мнѣ и просить: вы лучший другъ моего мужа.

Жюль (всторону). Самъ на бѣду нарвался.

Эмиля. И для начала... знаете ли что? Сегодня балъ и маскарадъ въ Онеръ... Давича вы предлагали мнѣ ѣхать...

Жюль. Да... я говорилъ...

Эмиля. Я принимаю ваше предложеніе: поѣдте.

Жюль. То есть... на балъ, съ вами...

Эмиля. Согласны?

Жюль. Но, сударыня... (всторону.) Вотъ я и у праздника!

Эмиля. Тамъ вѣрно очень весело?

Жюль. Да, да... очень... даже черезъ чуръ — и потому...

Эмиля. Мы ѣдемъ непременно! — Мари!

IX.

ТЪ ЖЕ, МАРИ.

МАРИ. Что прикажете?

ЭМИИ. Повзжай поскорѣй къ модисткѣ, возьми для меня хорошенъкое домино.

МАРИ (съ удивленіемъ). Какъ, сударыня! вы ѣдете въ маскерадъ?

ЭМИИ. Да, ѣду.

МАРИ. Съ господиномъ Клервилемъ?

ЭМИИ. Да.

МАРИ (уходитъ). Ого-го-го! Вотъ оно куда пошло.

ЭМИИ. Мари!

МАРИ. Что прикажете?

ЭМИИ. Ужинъ приготовить въ моемъ будоарѣ...

МАРИ. Для васъ только, или и для г. Клервиля?

ЭМИИ. Если ему будетъ угодно...

ЖЮЛЬ. Помилуйте, мнѣ очень пріятно... (всторону). Весь аппетитъ пропалъ!

ЭМИИ. Иди же.

МАРИ. Иду. (Всторону). Опять ничего не понимаю... Ну, да я здѣсь всего десять дней. (Уходитъ).

ЭМИИ. Ну-съ, господинъ Клервиль... Будьте же въжливы, любезны...

ЖЮЛЬ (всторону). Вотъ, приходится волочиться за женою.

ЭМИИ. Что жъ вы меня не благодарите?

ЖЮЛЬ. За что это?.. Ахъ, да, конечно... я вамъ очень... очень благодаренъ.

ЭМИИ. Съ какимъ видомъ вы мнѣ это говорите.

ЖЮЛЬ. Это неожиданность... радость, досада... то есть—счастіе... (Всторону). Вотъ положеніе!

ЭМИИ. Странно! Глядя на васъ, нельзя подумать, что вы счастливы.

ЖЮЛЬ. У каждаго счастье выражается по-своему. (Всторону). Я долженъ ей казаться ужаснымъ дуракомъ... но все равно!

ЭМИИ. Я хочу, чтобъ вы были веселы, довольны, потому что я сама намѣрена веселиться до сумасшествія.

ЖЮЛЬ (всторону). Конечно! садись въ повозку и катай, куда глаза глядятъ.

Эмили. Теперь мнѣ надо все приготовить къ моему туалету... я хочу быть очаровательна... До свиданія! Я сейчасъ распоряджусь... Вашу руку, мой милый кавалеръ...

Жюль (*растерявшись, сперва подаетъ ей стулъ, потомъ шляпу*).

Эмили. Ха, ха, ха! какой вы разсѣянный! (*Она беретъ его подъ руку, онъ провожаетъ ее до дверей*). До свиданія...

Жюль (*цѣлуетъ ея руку*). До пріятнаго свиданія...

X.

ЖЮЛЬ одинъ.

Безподобная женщина! А я обвинялъ ее въ холодности, въ нечувствительности... помируйте, да она хоть мертваго разогрѣть! Дѣло ясно: она влюбилась въ меня по уши... Но вѣдь она моя жена! Вотъ что гадко! Это просто низость, преступленіе... Ужъ лучше бы она меня ненавидѣла! А то, помируйте: маскерадь въ Оперѣ, ужинъ вдвоемъ, въ будоарѣ, веселиться до сумасшествія... и такъ далѣе, и такъ далѣе... Тутъ есть отъ чего съ ума сойти! Нѣтъ! ни минуты не останусь! Вдаль, въ глушь, въ непроходимыя лѣса, къ тиграмъ, медвѣдямъ, къ дикарямъ... Тамъ меня съдятъ живаго, но, по крайности, не растерзаютъ сердца! О, женщины, женщины! порожденіе крокодиловъ! Поцѣлуй на губы и кинжалъ въ сердце! Стоять васъ только оставитъ на два года и...

XI.

ЖЮЛЬ, ЭМИЛИ.

Эмили (*подходя*). Готово.

Жюль. Готово?

Эмили. Да, все готово! Теперь я ваша.

Жюль (*всторону*). Не выношу! Спокойствіе и хладнокровіе— все лопнуло! (*Вслухъ*). Прошу извинить меня—я долженъ васъ оставить.

Эмили. Какъ?

Жюль. Очень важное дѣло, не терпящее отлагательства...

Эмили. Вы шутите.

Жюль. Мнѣ вовсе не до шутокъ... напротивъ...

Эмили. Жаль. А я надѣялась провести время такъ весело, вмѣстѣ съ вами... Но дѣлать нечего... не хочу затруднять васъ. Я поѣду одна.

Жюль. Одна! въ оперный маскарадъ... въ эту толпу, въ этотъ содомъ, въ этотъ шабашъ...

Эмили. Неужли вы думаете, что я не найду тамъ кавалера?

Жюль (*всторону*). Вотъ тебѣ на! (*Вслухъ*). Но, помилуйте, скромность, приличіе...

Эмили. Это до меня не касается: я буду подъ маской.

Жюль (*всторону*). Зарьзала! (*Ей*) Но, подумайте о вашемъ мужѣ, о несчастномъ Жюль...

Эмили. О моемъ мужѣ? У меня нѣтъ мужа! Я свободна... вдова, и хочу пользоваться всеми моими правами.

Жюль (*всторону*). Нѣтъ, это погибшая женщина! Но все равно! Она жена моя, носить мое имя, и я не могу допустить...

Эмили (*передъ зеркаломъ*). Что вы мнѣ посоветуете надѣть на голову? испанскую наколочку, цвѣты или хорошенькую уборку изъ лентъ?

Жюль (*въ сильномъ волненіи*). Ничего!

Эмили. Какъ! Простоволосой?

Жюль. Нѣтъ! Но вы не поѣдете въ этотъ маскарадъ.

Эмили. Это отчего?

Жюль. Оттого — что не поѣдете... Вамъ неприлично тамъ быть.

Эмили. Но вы сами мнѣ предлагали.

Жюль. А если это было испытаніе?

Эмили. Испытаніе!

Жюль. Если я хотѣлъ увѣрится, — то-есть, если вашъ мужъ послалъ меня...

Эмили. Слѣдить за мною?

Жюль. Охранять васъ.

Эмили. Дѣло не въ словахъ. И вы рѣшились...

Жюль. Я только повиновался сердцу... несчастнаго моего друга... Побѣзжай, сказалъ онъ мнѣ, отыщи мою жену, удостовѣрься, любитъ ли она меня... тогда я измѣню моей клятвѣ и возвращусь... Но если она любитъ другаго...

Эмили. Тогда... что?

Жюль. Онъ не договорилъ... рыданія заглушили его голосъ.
Эмили. Очень жаль вашего друга.

ХП.

ТЪ ЖЕ, МАРИ.

Мари. Все готово. Домино въ вашей уборной. Ужинъ будетъ поданъ, когда прикажете.

Жюль. Позвольте мнѣ откланяться.

Мари. Что это? Онъ опять ѣдетъ.

Эмили. Отошли домино въ магазинъ, мы не ѣдемъ въ маскерадъ...

Жюль (*хватаясь за грудь*). Уфъ, отлегло!

Эмили. Мы останемся дома и отужинаемъ вдвоемъ съ г. Клервилемъ... вели приготовить шампанскаго.

Жюль (*всторону*). Опять!

Мари. Слушаю. Ну, а какъ неровно вашъ мужъ...

Эмили. Такъ что-же? Ему не за что сердиться.

Мари (*всторону*). Не понимаю! Ну, да я всего десять дней въ домъ.

Жюль. Не за что сердиться?.. А оперный маскерадъ! а шампанское, а ужинъ tête-à-tête съ...

Эмили. Съ лучшимъ другомъ моего мужа.

Жюль. А дуэтъ въ sol mineur... «Мой милый Жаннино, тебя я люблю» и прочее... все это ничего?

Эмили. Извините! Я, право, до-сихъ-поръ не знала, что замужней женщинѣ запрещено пѣть дуэты съ... съ своимъ мужемъ.

Жюль. Какъ! Что?.. Позвольте, что вы сказали?

Эмили (*подавая ему письмо*). Прочтите... Это письмо отъ моего отца. Онъ увѣдомляетъ о вашемъ исцѣленіи и объ отъѣздѣ въ Парижъ.

Жюль. Спокойствіе и хладнокровіе! вы не помогли!

Эмили. Вы можете упрекнуть меня за одно: за мою непростительность. Безъ этого письма я никогда бы васъ не узнала.

Жюль. О, какъ я счастливъ! (*Цѣлуетъ ея руки*).

Эмили. А, господинъ Жюль Дюле! Вамъ хотѣлось плѣнить свою жену?

Жюль. Ради Бога, не говорите объ этомъ... вы жестоко мнѣ отомстили.

Мари. Да, сударыня! Надо простить господина Дюле... вѣдь мужъ, который ухаживаетъ за женой, большая рѣдкость.

Эмили. Пожалуй, но съ условіемъ: мосье Жюль, вы должны какъ можно дольше играть роль Клервиля.

Жюль. О, всю мою жизнь, клянусь вамъ... (*Всторону*). Ужъ для того, чтобъ друзья не заняли этой роли.

Эмили. И такъ, комедія наша кончена! Раскланяемся и поскорѣй за кулисы; тамъ ждетъ насъ ужинъ и доброе согласіе!

18187
9915-

